

Густав Герлинг-Грудзинский.
Рим, 1945.

основной теме, я позволю себе воспроизвести заключительный фрагмент речи, которую я (в числе многих) держала под сенью картины Матейко:

"Сегодня на выставке я — уже не впервые — увидела фотографию Густава Герлинга-Грудзинского, сделанную в 1945 г. в Риме, и не впервые почувствовала, как меня особенно привлекает этот снимок — юного солдата в берете. И вдруг только сейчас поняла — почему, по какой, очень личной причине. В 1962 г., еще довольно смутно представляя себе, что было с польской армией, я написала стихотворение, которое начинается так:

Как андерсовской армии солдат,
как андерсеновский солдатик,
я не при деле. Я стихослагатель,
печально не умеющий солгать.
Ведь это и написано об этом солдате с римского снимка, только он не "стихослагатель", а прозаик. Но тоже не умеющий солгать. Его книги говорят правду, как это умеет делать только литература. Настоящая литература (я говорила по-польски, а по-польски это звучит "prawdziwa literatura", т.е. собственно "правдивая") всегда говорит правду, которая больше правды любого репортажа".

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Люблин — Париж

Русское музыкальное общество
Консерватория им. Сергея
Рахманинова
26, av. de New York, Paris-16
16 июня в 18 ч.
КОНЦЕРТ
учеников профессора
Галины ФОМИНОЙ (рояль).
Вход свободный.

КНИГИ И ЛЮДИ

«Русская мысль»

Люблинские заметки

Густаву Герлингу-Грудзинскому, польскому писателю и публицисту, бывшему узнику сталинских лагерей, 21 мая была присвоена докторская степень honoris causa Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине. Автору этих строк, переводчице его книги "Иной мир" (на мой взгляд, одной из нескольких самых лучших "лагерных" книг), посчастливилось гостить на люблинских торжествах, продолжавшихся несколько дней. В эти дни прошли встречи с читателями, со студентами и преподавателями обоих университетов города (второй — Люблинский католический университет), открытие выставки, посвященной писателю, в университетской библиотеке, празднование его дня рождения 20 мая в люблинском Замке.

Творчество Густава Герлинга-Грудзинского еще недостаточно известно в России — лишь недавно в "Иностранной литературе" появились несколько его рассказов, между тем как это одна из важных составляющих того, что им написано. Для большинства же он остается именно автором "Иного мира", вышедшего в 1989 г. в лондонском издательстве "Оверсиз", а затем — неожиданно скоро, уже в 1991-м, так быстро менялись времена, — переизданного покойным издательством "Прогресс". В предисловии к первому русскому изданию автор писал:

"Я хотел бы закончить мое вступительное слово двумя отрывками из предисловия к ее польскому изданию 1965 года, которые и по прошествии двух десятков лет не утратили актуальности. В первом говорится: «Если "Иной мир" дожидается когда-нибудь русского перевода и перебрости в Россию (как мы видим, дождался. — Прим. 1986 года), он лишь обогатит уже существующую там письменную литературу о советских "мертвых домах". Раз открывшейся раны не залечит пластырь доклада Хрущева. Да и как он мог бы ее залечить, если в зеркале лагерей отражается вся система, а в исповедаль-

не лагерей рассказывают о своих муках миллионы жертв?» Во втором отрывке, после слов о том, что тема советских лагерей и тюрем по-прежнему остается запретной в странах "народной демократии", особо говорилось о гомульковской Польше: «В Польше "Один день Ивана Денисовича" свели до публикации фрагментов в еженедельнике, явно пытаясь избежать слишком большого отклика и слишком устойчивого следа, который оставило бы отдельное издание. (...) Причины этой внутренней цензуры следует, видимо, искать в страхе, как бы не обострилась "антируская травма" поляков. Но призраков прошлого не изгнать замалчиванием. Если что-то может сблизить поляков с русскими, то именно разговор вслух о причиненных обидах и сознание общего страдания. Это-то общее страдание, страдание всех эзков сталинской концентрационной империи, лежит у истоков "Иного мира". Из общего страдания вырастает общая надежда».

Видеть в Герлинге прежде всего (а то и исключительно) автора "Иного мира" несправедливо: если даже говорить не обо всех сторонах его творчества, все равно обязательно надо упомянуть его много лет печатавшийся едва ли не в каждом номере парижской "Культуры" (а в последнее время перекочевывавший на страницы "Плюс-минуса", еженедельного приложения к варшавской газете "Жечпосполита") "Ночной дневник", отдельные фрагменты которого я время от времени переводила и печатала на страницах "РМ". (Кстати, именно внутри "Ночного дневника", как цветы на стебле, всеми соками связанные с целым растением, вырастали и рассказы писателя.)

Густав Герлинг-Грудзинский. Люблин, 21 мая.
Фото Войцеха Друца (газета "Жечпосполита").

"...несправедливо", — написала я. А в то же время и справедливо. Недаром сам писатель, только что удостоенный степени почетного доктора, в своей речи перед люблинцами, переполнившими университетский актовый зал, в частности, заметил:

"Я задумываюсь: случилось ли мне на тюремных и лагерных нарах или во время т.н. исправительного труда (выделенное было сказано сначала по-польски, затем, как бы уточняя, по-русски. — Н.Г.) мимолетно воображать свое писательское будущее? Это не исключено, раз в даже самые тяжелые минуты физических, убийственных мук я усиленно старался — хорошо помню — держать в состоянии постоянного напряжения свою наблюдательность, направленную как на окружающих, так и на себя самого. Это могло бы послужить доказательством того, что подсознательно я вел себя как писатель, "собирающий материалы" (воспользуюсь этим истертым определением) для будущего описания, если судьба позволит мне уцелеть".

Судьба позволила. Правда, в случае

Густава Герлинга-Грудзинского это была не только судьба в виде начала советско-германской войны, за которым последовало восстановление отношений с законным польским ("лондонским") правительством и амнистия для польских граждан, находившихся в советских лагерях. Вопреки амнистии, многих из них, включая будущего писателя, освободить не желали. И тогда Герлинг вместе с несколькими другими поляками — эсками лагунка Ерцево Каргопольяга, не полагаясь на одну судьбу, пошел в бой, начав мучительную, самоубийственную голодовку. Впрочем,

об этом каждый может прочесть в книге "Иной мир".

"...сразу по приезде в Свердловск мне захотелось писать, и на последние копейки я купил на станции блокнот с карандашом" ("Иной мир"). Позднее, в беседах с литературоведом Влодзимежем Болецким ("Rozmowy w Dragonei", Варшава, 1997), Г.Герлинг-Грудзинский заметил: "Можно было бы сказать, что в то мгновение я родился как писатель. (...) ...никакой концепции у меня тогда в голове не было. Я хотел только записывать и записывать. Тем более, что прощавшиеся со мной друзья все время повторяли, не зная, кстати, что когда-нибудь я стану писателем: «Расскажи о том, что мы пережили и что ты пережил вместе с нами»".

Но потом, оказавшись с польской армией на Ближнем Востоке, Герлинг "заболел молчанием", как и многие лагерники. И только на рубеже 1949-1950 гг. он взялся за книгу и написал ее, можно сказать, единым духом:

"...никогда больше не удавалось мне писать с такой легкостью. Сегодня я та-

кой писатель, который пишет с трудом, многое перечеркивает в черновиках. (...) А рукопись этой книги, с этой точки зрения, исключительная, единственная. Очень мало перечеркнутого. Чистенькая. Как первая любовь".

Так что, видите, не совсем несправедливо видеть, по крайней мере, особое место "Иного мира" в творчестве Густава Герлинга-Грудзинского, независимо даже от того, что особой эта книга навсегда останется для нас, русских.

В заключение следует (и не только для того, чтобы оправдать заглавие этих заметок) сказать хоть несколько слов о замечательном городе, где все это происходило. Люблин, по счастью, не пережил не только того, что пережила снесенная с лица земли Варшава, но и того, что стало участком многих других польских городов, — ни военных бомбардировок, ни мощного послевоенного строительства, сильно повредившего даже прекрасный Краков. Этот восточнопольский город остается старосветским, и в нем по-прежнему легко ориентироваться по двуязычному, русско-польскому плану, изданному в 1912 г. и теперь факсимильно переизданному. Только ул. Наместниковская после 1922 г. была названа именем Нарutowича, президента независимой Польши, погибшего от руки национал-террориста; Впрочем, вероятно, многие улицы до 90-х гг. носили коммунистические названия, ныне замененные старыми, — из тех мне попалась одна только ул. Защитников Мира... А так — и на старом, и на новом плане привычные польские названия улиц: Орля, Круча, Липна, Мила (и точно, как у Галчинского, "улица Милая — вовсе не милая", но, как у него на варшавской улице Милой живет "милая", так я на люблинской Милой побывала в гостях в удивительно милой семье местного "герлинговеда").

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Окончание на стр.18